

Макаронический текст в комедии (на примере пьесы Л. Смоляка «Нупна aneb Urfidlovačka»)

Тауль Кирилл Эдуардович

студент

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

email: chefau@mail.ru

Динамическое развитие языка с последующим установлением относительного равновесия между отдельными формами его существования инициируется не только тесным взаимодействием его отдельных формаций. Импульсом развития языковых структур могут служить и внешнеязыковые факторы, прежде всего интерлингвальные языковые контакты. Интенсивность межъязыковых отношений во многом зависит от экстралингвистических условий. [Васильева, Широкова, 2003: 59]

Иноязычное влияние на современный чешский язык отражается, прежде всего, на лексическом составе чешского языка. Среди общего количества заимствований преобладают слова немецкого происхождения. В разное время чешским языком были заимствованы как специальные слова (профессионализмы), так и слова, относящиеся к повседневному обиходу, многие из которых вошли в основной словарный фонд чешского языка. [Широкова, Васильева, 1990: 305]

После поражения у Белой горы в 1620 г. литературный чешский язык находился в состоянии упадка, был вытеснен из всех сфер общественной жизни, его норма расшаталась. Немецкий язык стал официальным, административным, а позже и государственным языком. В эпоху национального чешского возрождения (прибл. 1780-1850) чешский язык и культура стали возрождаться. «Патриарх славистики» Йозеф Добровский создал «Подробную грамматику чешского языка», взяв за основу язык «Кралицкой библии» (1579-1593). Грамматика Й. Добровского долгое время принималась как обязательная грамматическая кодификация. Второе поколение чешских «будителей» во главе с Й. Юнгманом создают научную терминологию, поэтическую синонимику. В последнем периоде национального возрождения чешский язык распространяется через журналы, научную и художественную литературу, кружки, театры. [Широкова, Васильева, 1990: 16–18] В 1834 году была впервые поставлена пьеса Й.К. Тыла «Фидловачка», отрывок из которой стал позднее государственным гимном.

В период чешско-немецкого сосуществования немецкие заимствования проникали в чешский язык двумя путями: через письменную и через устную речь. В первом случае написание и произношение слов сохранялись, например, Gestapo, а во втором случае заимствования ассимилировались, в том числе и на фонетическом уровне (die Gitarre→kytara).

Заимствованные слова часто сохраняют свои фонетические, словообразовательные и морфологические особенности, характеризуясь разной степенью приспособленности к системе языка-рецептора. С этой точки зрения заимствованную лексику в чешском языке можно разделить на три категории:

1. Заимствования, полностью ассимилировавшиеся;
2. Заимствования, ассимилировавшиеся лишь частично, сохранившие те или иные особенности;
3. Заимствования, не приспособившиеся к системе языка-рецептора [Васильева, Широкова, 2003: 60].

Во второй половине XX в. и в начале XXI в. активный процесс заимствований чешским языком слов из немецкого языка приостановился. В литературном чешском языке сохраняются только полностью ассимилировавшиеся немецкие заимствования; как нелитературные элементы используются слова типа maršírovat. Но в художественной литературе (большей частью для речевой характеристики персонажей) используются немецкие слова и выражения, передаваемые различными способами.

С этой точки зрения их можно разделить на 2 группы:

1. переданные с сохранением немецкой орфографии (с редкими поправками для приспособления к чешской графике);

2. переданные с помощью чешской графики (транслитерация).

Любопытным объектом для изучения является пьеса Л. Смоляка „Humna aneb Urfidlovačka“. Её сюжет во многом построен на сопоставлении чешского и немецкого языка, их употребления различными группами населения чешских земель (в частности, Праги) в первой половине XIX в. В то же время это не историческая пьеса, а эстрадное юмористическое выступление, язык которого вполне современен.

Отец Й.К. Тыла портной Кайетан, «чешскоговорящий чешский патриот», на словах полностью отрицает употребление немецкого языка, но время от времени использует немецкие слова, ассимилированные в морфологическом отношении: *Měla byste se stydět, vdovo Mastilková. Češka jako poleno, a šprechtí po německu*. ‘Вам бы должно быть стыдно, вдова Мастилкова. Чешка до мозга костей, а шпрехает по-немецки’ На это Мареш, «двуязычный пражский еврей, музыкант», делает ему замечания: *Dovolil bych si upozornit, že slovo „šprechtit“ nebude tak úplně české. Pochází nepochybně z německého „sprechen“, což česky znamená hovořit, mluvit*. ‘Я бы позволил себе заметить, что слово «шпрехать» не вполне чешское. Оно, несомненно, происходит от немецкого „sprechen“, что по-чешски значит говорить, разговаривать’. При этом он действительно знает два языка и меняет их по обстоятельствам; прощаясь с немцем Яммервайлем и здороваясь с чехом Йозефом, он говорит: *Grüß Gott, Jammerweil, nazdar, Josef*. ‘До свидания, Яммервайль (нем.), здравствуй, Йозеф (чешск.)’. Под влиянием немецкого языка Мареш употребляет местоимение 3-го лица *oni* вместо местоимения 2-го лица *vy* при вежливом обращении (ср. немецкое местоимение *Sie*). Его дочь Мастилкова, «чешскоговорящая немецкая патриотка», стремится подражать немцам в речи, но это у неё получается плохо, так что её слова «переводит» на немецкий язык Мареш. Её реплики оформлены средствами чешской графики, что показывает особенности произношения: *Týnerin, her šustmástr Kajetán. Vos kaných firzí mochn?* ‘Ваша служанка, господин портной Кайетан. Что я могу для вас сделать? (иск. нем.)’. Племянница Мастилковой немка Гертруда говорит по-немецки, хотя пытается выучить чешский язык, чтобы разговаривать с сыном Кайетана Йозефом: *Br-zy, ja-zyk, na-zy-va-ty...* ‘Быс-тро, я-зык, на-зы-вать (примеры из грамматики Й. Добровского)’ *Josef! Ich verstehe nicht!!* ‘Йозеф! Я не понимаю!! (нем.)’. Под конец Йозеф решает выучить немецкий язык, но говорит только *Dyrfn* ‘Быть должным (иск. нем.)’. Такими противоречиями между желаемым и действительным создаётся ирония.

Транслитерацию удобней использовать, чтобы подчеркнуть особенности произношения, не отвечающие нормам цитируемого языка. Ассимиляция немецких слов на морфологическом уровне в настоящее время сведена к минимуму, являясь средством либо нелитературным (в разговорной речи: *сімга, марšírovat*), либо выразительным (например, в данной пьесе: *šprechtit*). Чаще всего при цитировании немецких слов, фраз или целых предложений сохраняется немецкая орфография.

Литература

Васильева В.Ф., Широкова А.Г. Чешский язык в новом тысячелетии (общая характеристика языковой ситуации и динамических инноваций) // Славянский вестник. Выпуск 1. М., 2003. С. 46–70.

Широкова А.Г., Васильева В.Ф., Едличка А. Чешский язык. М., 1990.